

В не же время трубих вам, в то вы не скакасте,
 но елма яхъ мрежею, скакати начасте.
 Не скаканию время нынѣ вамъ дается,
 но во сладкое брашно всяка заколется".
 И нача по единой оны закалати
 и во пиру мертвыя свою полагати.
 Тако грядущий господь во послѣднемъ часѣ
 во гробѣ божественнѣй, в архаггелстем гласѣ
 Над моремъ мира сего трубить нынѣ выну
 усты проповѣдниковъ чловѣчю сыну
 Всякому, да приходитъ из пучины к нему,
 яко ко истинному госпуду своему,
 Да из глубины греховъ къ нему претекаетъ
 и от адскихъ челюстей тако ся спасаетъ.
 Аще убо кто гласа не послушавъ сего,
 играя в безднѣ грѣховъ, бѣгаетъ от него,
 Мрежею смерти иматъ уловенный быти,
 ею же никому же подобно избѣгти.
 Изъять же на брегъ суда иматъ не скакати,
 но от страха и бѣды лють трепетати.
 Наконецъ закланъ будетъ ножемъ казни вѣчны
 и вовержется во адъ в муки безконечны.
 Тамо огнемъ сжарится и сварится зѣло,
 будетъ в нищу демономъ и душа и тѣло.
 Оле казни лютыя! Тоя вси гонзайте,
 на гласъ проповѣдниковъ къ богу притекайте
 Бѣжите грѣховъ бездны, ко спасу теците,
 донелѣ же есть время бѣгствомъ ся спасите.
 Не ожидайте мрежи смерти, ибо тако
 заятый поневоли, не спасется всяко.

Схема, как видим, та же. Стихотворение делится на две части: образ и его „логическую“ интерпретацию. В результате обычная для Симеона метаморфоза: „курьезный“ анекдот стал прообразом последнего страшного суда; фабульная канва распалась на полные трагического пафоса логизированные метафоры („море мира“, „мрежа смерти“, „брегъ суда“, „нож казни вѣчны“, „грѣховъ бездна“ и пр.).

Очень редко, но встречаются у Симеона Полоцкого стихотворения, внешне отступающие от этой нормальной для него схемы: образ налицо, а иносказания нет, нет двойного плана, нет традиционного для него соотношения между образом и поэтической темой. Стихотворение „День и ночь“ в „Вертограде“ — типичный пример такого внешне „чистого“, себе довлеющего образа (л. 123):

1. Денница

Темную ночь денница свѣтла разсыпаетъ,
 краснымъ сияниемъ си день в миръ впроваждаетъ.
 Нудить люди ко дѣлу; овъ въ водахъ глубокихъ
 рибствуетъ, овъ въ пустыняхъ лов дѣетъ широкихъ,
 Иный что ино творить. Спяй же на день много
 бѣднѣ, раздраноривно поживетъ убого.